

Кармен

Автор:

Проспер Мериме

Кармен

Проспер Мериме

«... Я надеялся исподволь вызвать незнакомца на откровенность и, невзирая на подмигивание проводника, навел разговор на разбойников с большой дороги. Разумеется, я говорил о них с уважением. В то время в Андалусии подвизался знаменитый разбойник, подвиги которого были у всех на устах. «А что, если бок о бок со мной едет сам Хосе Мария?» – говорил я себе. Я принялся рассказывать истории, слышанные мною об этом герое, – впрочем, все они были к его чести – и открыто выражал свое восхищение его смелостью и великодушием.

– Хосе Мария попросту мерзавец, – холодно заметил незнакомец.

«Отдает ли он себе должное, или же это излишняя скромность с его стороны?» – недоумевал я; в самом деле, чем внимательнее я вглядывался в своего спутника, тем больше поражало меня его сходство с тем Хосе Мария, приметы которого были вывешены на воротах многих андалусских городов. «Да, это он... »

Проспер Мериме

Кармен

????? ?????? ?????? ??????? ?????? ????????? ??? ?????,

????? ?????? ??? ???????, ?????? ?????? ??? ???????.

????????[1 - Всякая женщина – зло; но дважды бывает хорошей: или на ложе любви, или на смертном одре.Паллад]

Глава 1

Я всегда считал, что географы сами не знают, что говорят, утверждая, будто поле битвы при Мунде находится в стране пунических бастулов, а именно близ нынешней Монды, милях в двух к северу от Марбельи. На основании выводов, сделанных мною из *Bellum Hispaniense*, книги некоего анонимного автора, и сведений, которые мне удалось почерпнуть в превосходной библиотеке герцога Осунского, я полагал, что достопамятное место, где Цезарь в последний раз все поставил на карту в своей борьбе против сторонников республики, надобно искать неподалеку от Монтильи. Находясь в Андалусии ранней осенью 1830 года, я предпринял довольно длительную поездку, чтобы рассеять немногие еще остававшиеся у меня сомнения. Исследование, которое я собираюсь опубликовать, ответит, надеюсь, на недоуменные вопросы всех добросовестных археологов. А в ожидании того, когда мой труд разрешит, наконец, географическую загадку, поставившую в тупик всю ученую Европу, я хочу рассказать вам небольшую историю; замечу, что она ни в коей мере не предрешает любопытного вопроса о местонахождении Мунды.

Я нанял в Кордове проводника с двумя лошадьми и отправился в поход, не имея при себе иного багажа, кроме Записок Цезаря и нескольких рубашек. Я бродил как-то по возвышенной части Каченской равнины и, изнемогая от усталости, умирая от жажды, палимый раскаленными лучами солнца, от всего сердца посылал к черту Цезаря и сыновей Помпея, как вдруг заметил неподалеку от тропинки, по которой ехал, зеленую лужайку, кое-где поросшую камышами и тростником. Вид ее предвещал близость источника. В самом деле, я вскоре убедился, что предполагаемая лужайка была болотом, в котором терялся ручей, по-видимому, вытекавший из узкого ущелья между двумя высокими отрогами сьерры Кабра. В голову мне пришла мысль, что, поднявшись вверх по его течению, я найду воду похолоднее с меньшим количеством пиявок и лягушек, а также, быть может, немного тени среди скал. При въезде в ущелье конь мой заржал, и ему тут же ответил другой, не видимый мною конь. Не успел я проехать и сотни шагов, как ущелье внезапно расширилось, явив моему взору нечто вроде естественного амфитеатра, затененного окружающими его обрывистыми склонами. Невозможно было найти место, сулящее путнику более

приятный отдых. У подножия отвесных скал ручей, бурля, ускорял свой бег и падал с кручи в маленькое озеро, дно которого было устлано белоснежным песком. Внизу росли великолепные каменные дубы; защищенные от ветра и обильно питаемые влагой ручья, они бросали на него густую тень. Наконец мягкая, глянцевиная трава по берегам озерца обещала путнику ложе, лучше которого нельзя было бы сыскать ни в одной харчевне на десять миль вокруг.

Однако не мне принадлежала честь открытия этого превосходного места. Там уже отдыхал какой-то человек, и, когда я подъехал к нему, он, видимо, спал. Разбуженный ржанием, он вскочил на ноги и подошел к своему коню, который воспользовался сном хозяина, чтобы досыта наесться растущей поблизости травой. То был молодой малый среднего роста, но с виду ловкий и сильный, которого отличал мрачный гордый взгляд. Под действием солнца цвет его лица, вероятно, светлый от природы, был теперь темнее волос. В одной руке он держал недоуздок, в другой – медный мушкетон. Признаюсь, поначалу меня несколько озадачили и мушкетон, и свирепый вид его владельца; но я разуверился в существовании разбойников, ибо ни разу не видел их, хотя и был о них слышан. Кроме того, я встречал стольких честных фермеров, которые вооружались до зубов, дабы ехать на рынок, что наличие огнестрельного оружия еще не давало мне права ставить под сомнение добропорядочность незнакомца. «Да и, кроме того, – подумал я, – на что ему мои рубашки и Записки Цезаря, напечатанные эльзевирами?» Итак, я приветствовал человека с мушкетонном дружелюбным кивком и осведомился, улыбаясь, не нарушил ли я его покоя. В ответ он молча смерил меня взглядом с головы до ног и, вероятно, удовлетворенный осмотром, столь же внимательно посмотрел на подъезжающего проводника. Я заметил, что тот побледнел и с очевидным испугом осадил коня. «Неприятная встреча!» – подумал я, но осторожности ради решил не выказывать ни малейшего беспокойства. Я спрыгнул на землю, велел проводнику разнуздать моего коня и, встав на колени у ручья, погрузил в него голову и руки; затем лег ничком и в таком положении утолил жажду по примеру плохих воинов Гедеона.

Я наблюдал вместе с тем за своим проводником и за незнакомцем. Первый приближался с явной неохотой; второй, казалось, не замышлял ничего дурного; он отпустил своего коня и мушкетон держал уже не наперевес, а дулом вниз.

Не считая нужным обижаться на малое значение, какое он, видимо, придал моей особе, я растянулся на траве и непринужденно спросил, нет ли у него огнива. И тут же вытащил свой портсигар. Незнакомец все так же молча порылся у себя в

кармане, достал огниво и услужливо высек для меня огонь. Он несомненно становился покладистее – он сел против меня, не расставаясь, правда, со своим оружием. Закурив, я выбрал лучшую из оставшихся у меня сигар и спросил, не курит ли он.

– Курю, сеньор, – ответил он.

То были первые сказанные им слова, и я заметил, что он произносит s не по-андалусски[2 - Андалусцы произносят «s» с придыханием, как нечто среднее между мягким «с» и «z», тогда как испанцы выговаривают его на манер английского th. Так, по одному слову senor легко узнать андалусца. (Прим. авт.)], из чего можно было заключить, что он путешественник, как и я, но только не совсем археолог.

– Возьмите, пожалуйста, вот эта недурна, – сказал я, предлагая ему настоящую гаванскую сигару.

Он слегка наклонил голову в знак благодарности, прикурил от моей сигары, еще раз кивнул мне и затянулся с нескрываемым наслаждением.

– До чего ж я давно не курил! – воскликнул он, медленно выпуская первую затяжку изо рта и ноздрей.

В Испании выкуренная вместе сигара располагает людей друг к другу, подобно угощению хлебом и солью на Востоке. Курильщик мой оказался более разговорчивым, чем я полагал. Впрочем, хоть он и утверждал, что живет в Монтильском округе, но с местностью знаком был плохо. Он не знал наименования прелестной долины, где мы находились, не мог назвать ни одной близлежащей деревни и, наконец, на мой вопрос, не видел ли он в окрестностях разрушенных стен, больших черепиц с закраинами или украшенных орнаментом камней, признался, что никогда не обращал внимания на такие мелочи. Зато он оказался знатоком по части лошадей. Он раскритиковал мою лошадь, что было нетрудно сделать, затем описал родословную своего коня, знаменитого кордовского завода, животного поистине благородного и такого выносливого, что, по словам незнакомца, он как-то проскакал на нем галопом и крупной рысью тридцать миль за один день. Посреди своей тирады он вдруг запнулся, как бы спохватившись, что наговорил лишнего. «Видите ли, я очень торопился в Кордову, – заметил он не без смущения. – Мне надо было посоветоваться с

законниками по поводу одной тяжбы...» Говоря это, он смотрел на Антонио, который сидел потупившись.

Тенистое место и ручей привели меня в такое хорошее расположение духа, что я вспомнил о ломтях превосходной ветчины, которые мои монтильские друзья положили в переметную суму проводника. Я велел достать их и пригласил незнакомца принять участие в этом наскоро устроенном завтраке. Если он давно не курил, то не ел, вероятно, не меньше двух суток. Он набросился на еду, как голодный волк. Я подумал, что встреча со мной была как нельзя более кстати для бедного малого. Между тем мой проводник ел мало, пил и того меньше и вовсе не говорил, хотя в начале нашего путешествия показался мне изрядным болтуном. Присутствие нашего гостя, видимо, стесняло его, и взаимное недоверие разделяло обоих, хотя причину этого я не совсем понимал.

Последние крошки хлеба и ветчины были доедены; мы успели выкурить по второй сигаре; я велел проводнику взнуздать обоих коней и собрался было проститься со своим новым приятелем, но он спросил меня, где я намерен провести ночь. Не заметив поначалу знаков, которые мне делал проводник, я ответил, что направляюсь в венту дель Куерво.

– Неподходящее это место для такого человека, как вы, сеньор... Я еду туда же и, если разрешите, провожу вас.

– Охотно, – ответил я, садясь в седло.

Проводник, державший мне стремя, снова многозначительно взглянул на меня. В ответ я лишь пожал плечами, как бы говоря, что не вижу причины для беспокойства, и мы двинулись в путь.

Таинственные знаки и тревога Антонио, некоторые слова, вырвавшиеся у незнакомца, а главное, его тридцатимильная скачка и не слишком правдоподобное ее объяснение все же помогли мне составить мнение о моем попутчике. Я не сомневался, что имею дело с контрабандистом, быть может, с вором, но какое это имело значение? Я хорошо знал характер испанцев и был вполне уверен, что мне нечего опасаться человека, с которым мы вместе закусывали и курили. Само его присутствие было надежной защитой на случай какой-нибудь неприятной встречи. К тому же мне было интересно узнать, что представляет собой настоящий разбойник. Ведь с разбойниками не так уж часто

встречаешься, и есть нечто заманчивое в соседстве с человеком опасным, особенно когда чувствуешь, что он расположен к тебе, приручен.

Я надеялся исподволь вызвать незнакомца на откровенность и, невзирая на подмигивание проводника, навел разговор на разбойников с большой дороги. Разумеется, я говорил о них с уважением. В то время в Андалусии подвизался знаменитый разбойник, подвиги которого были у всех на устах. «А что, если бок о бок со мной едет сам Хосе Мария?» – говорил я себе. Я принялся рассказывать истории, слышанные мною об этом герое, – впрочем, все они были к его чести – и открыто выражал свое восхищение его смелостью и великодушием.

– Хосе Мария попросту мерзавец, – холодно заметил незнакомец.

«Отдает ли он себе должное, или же это излишняя скромность с его стороны?» – недоумевал я; в самом деле, чем внимательнее я вглядывался в своего спутника, тем больше поражало меня его сходство с тем Хосе Мария, приметы которого были вывешены на воротах многих андалусских городов. «Да, это он... Светлые волосы, голубые глаза, крупный рот, прекрасные зубы, небольшие руки; рубашка из тонкого полотна, бархатная куртка с серебряными пуговицами, белые кожаные гетры, гнедая лошадь... Никаких сомнений – это он! Но будем уважать его инкогнито».

Мы приехали в венту. Она оказалась именно такой, как говорил незнакомец, то есть одной из самых неказистых, какие мне доводилось видеть. Состояла она из одной большой комнаты, служившей одновременно кухней, столовой и спальней. Огонь разводили посреди помещения на большом плоском камне, а дым выходил из отверстия, проделанного в крыше, или, вернее, застаивался наподобие облака в нескольких футах от пола. Вдоль стен лежали старые ослиные попоны – постели, приготовленные для путешественников. В двадцати шагах от дома, или, точнее, от единственной комнаты, только что описанной мною, я увидел нечто вроде сарая, служившего конюшней. В этом восхитительном пристанище не было иных человеческих существ, по крайней мере в ту минуту, кроме старухи и девочки лет десяти-двенадцати, черных, как сажа, и одетых в неопишуемые лохмотья. «Вот все, что сохранилось от народа, некогда населявшего Бэтическую Мунду, – подумал я. – О Цезарь! О Секст Помпей! Как вы были бы поражены, доведись вам вернуться в этот мир!»

При виде моего спутника у старухи вырвался возглас удивления:

– Как, это вы, сеньор дон Хосе?!

Дон Хосе нахмурился и, повелительно подняв руку, сразу заставил старуху прикусить язык. Я обернулся к проводнику и еле приметным знаком дал ему понять, что и без него понимаю, с каким человеком мне предстоит провести ночь. Ужин оказался лучше, чем можно было ожидать. Нам подали на столике, не больше фута высотой, рагу из старого петуха с перцем и рисом, затем перец в оливковом масле и, наконец, гаспачо – род салата из перца. Три столь острых блюда вынудили нас частенько прибегать к бурдюку с монтильским вином, которое оказалось превосходным. Поужинав, я заметил висящую на стене мандолину – в Испании всюду имеются мандолины – и спросил прислуживавшую нам девочку, играет ли она на ней.

– Нет, – ответила она, – а вот дон Хосе уж больно хорошо играет.

– Будьте добры, – обратился я к нему, – спойте мне что-нибудь, я безумно люблю вашу народную музыку.

– Я ни в чем не могу отказать такому достойному сеньору, который вдобавок угощает меня такими отменными сигарами, – весело отозвался дон Хосе.

Он велел подать мандолину и запел, сам себе аккомпанируя. Голос у него был грубоват, но приятен, напев показался мне печальным и странным, но я не понял ни одного слова.

– Если не ошибаюсь, – сказал я ему, – вы спели не испанскую песню. Она походит на сорсико, которые мне доводилось слышать в Провинциях[3 - Привилегированные провинции – это провинции, пользующиеся особыми правами, а именно: Алава, Бискайя, Гипуская и часть Наварры. Язык там баскский. (Прим. авт.)], а слова песни, видно, баскские.

– Да, – мрачно ответил дон Хосе.

Он положил мандолину на пол и, скрестив руки, с выражением неизъяснимой печали устремил взор на затухающий огонь очага. Освещенное лампой, стоявшей на столике, его лицо, одновременно благородное и необузданно-дикое, напоминало мне мильтоновского сатану. Как и тот, мой спутник, вероятно, думал о родном крае и об изгнании, которому подвергся по

собственной вине. Я попытался возобновить разговор, но дон Хосе молчал, поглощенный своими невеселыми думами. Старуха уже легла спать в углу комнаты, за висящим на веревке дырявым одеялом. Девочка тоже ушла вслед за ней в это убежище, предназначенное для прекрасного пола. Тут поднялся с места мой проводник и попросил меня сходить с ним в конюшню. При этих словах дон Хосе, как бы внезапно пробудившись, резко спросил его, куда это он собрался.

– В конюшню, – ответил проводник.

– Зачем? У лошадей есть корм. Ложись здесь, сеньор разрешит.

– Боюсь, как бы конь сеньора не заболел; пусть сеньор сам на него взглянет, может, посоветует, что с ним делать.

Было ясно, что Антонио нужно поговорить со мной с глазу на глаз; но я не собирался вызывать подозрения у дон Хосе, да и при возникшей между нами дружбы почитал за лучшее выказывать ему полнейшее доверие. Итак, я ответил Антонио, что ничего не смыслю в лошадях и, кроме того, хочу спать. Вместе с Антонио в конюшню отправился дон Хосе, но вскоре вернулся. По его словам, конь был вполне здоров, но проводник так печется о нем, что усердно растирает ему бока собственной курткой, дабы вызвать испарину, и намерен провести всю ночь за этим приятным занятием. Между тем я улегся на ослиных пополах, тщательно закутавшись в плащ, чтобы к ним не прикасаться. Попросив у меня извинения за то, что он осмеливается лечь рядом со мной, дон Хосе растянулся возле двери, но предварительно насыпал свежего пороха в свой мушкетон и положил его под переметную суму, служившую ему подушкой. Пожелав друг другу покойной ночи, мы через пять минут уже спали глубоким сном.

Мне казалось, что усталость возьмет свое и я сумею проспать всю ночь в этом убогом жилище; но не прошло и часа, как пренеприятный зуд нарушил мой сон. Без труда убедившись, чем он вызван, я подумал, что лучше провести остаток ночи под открытым небом, чем под этим негостеприимным кровом. Я встал, на цыпочках подошел к двери, перешагнув через дон Хосе, который спал сном праведника, и так тихо вышел на улицу, что не разбудил его. Возле двери стояла широкая деревянная скамья; я примостился на ней, чтобы поудобнее провести остаток ночи, и собрался снова уснуть, как вдруг мне почудились две тени – человека и коня, – бесшумно двигавшиеся рядом. Я приподнялся, и мне показалось, что человек этот Антонио. Удивленный тем, что он вышел из

конюшни в столь поздний час, я встал и направился к нему. Заметив меня, проводник остановился и спросил шепотом:

– Где он?

– В венте. Спит, даже клопов не боится. Куда вы ведете коня?

Тут я заметил, что Антоньо старательно обмотал копыта лошади обрывками старого одеяла, чтобы неслышно вывести ее из сарая.

– Говорите тише, ради бога, – молвил Антоньо. – Неужто вы не знаете, кто этот человек? Это же Хосе Наварро, самый знаменитый разбойник в Андалусии. Я весь день делал вам знаки, но вы не сообразовали меня понять.

– Разбойник он или нет, какое мне до этого дело? – возразил я. – Он нас не ограбил, и готов побиться об заклад, что не собирается грабить.

– Тем лучше, но за его выдачу обещаны двести дукатов. В полутора лье отсюда находится уланский пост, и я успею вернуться до рассвета с дюжими молодцами. Я хотел было взять коня Наварро, но он такой злющий, что никого к себе не подпускает, кроме хозяина.

– Черт бы вас побрал! – сказал я. – Что вам сделал плохого этот несчастный человек? Зачем выдавать его? Да и уверены ли вы, что это тот самый знаменитый разбойник?

– Еще бы, конечно, уверен. Давеча, на конюшне, он вдруг говорит мне: «Ты, видно, знаешь меня. Но попробуй только сказать, кто я такой, этому доброму сеньору, и я всажу тебе пулю в лоб». Оставайтесь, сеньор, оставайтесь: вам его нечего опасаться. Пока вы здесь, он ничего не заподозрит.

Разговаривая, мы настолько отошли от венты, что оттуда уже нельзя было услышать стук лошадиных копыт. Антоньо мигом снял тряпье, которым были обмотаны копыта коня, и собрался вскочить в седло. Просьбами и угрозами я попытался его удержать.

– Я бедный человек, сеньор, – сказал он. – Двести дукатов на полу не валяются, да и платят их за то, чтобы избавить наш край от такой напасти, как Наварро. Будьте осторожны: если он проснется, то сразу схватится за мушкетон, и тогда берегитесь! Мне отступить поздно: я слишком далеко зашел. Выпутывайтесь как знаете.

Негодяй вскочил в седло; он пришпорил коня, и было так темно, что я вскоре потерял его из виду.

Я был крайне встревожен и очень зол на своего проводника. Поразмыслив, я принял решение и вернулся в венту. Дон Хосе все еще спал – наверно, восстанавливал силы после нескольких изнурительных дней и бессонных ночей. Мне пришлось растолкать его. Никогда не забуду его свирепого взгляда и движения, которое он сделал, чтобы схватить мушкетон, который я из предосторожности положил подальше от него.

– Сеньор, – сказал я ему, – извините, что разбудил вас, но мне надо задать вам один дурацкий вопрос. Скажите, было бы вам приятно или нет, если бы сюда нагрянули уланы?

Он вскочил на ноги и грозно спросил:

– Кто вам сказал?

– Не все ли равно, лишь бы совет был хорош.

– Ваш проводник предал меня, но он поплатится за это. Где он?

– Не знаю... Должно быть, в конюшне... Но мне сказали...

– Кто?.. Старуха не могла сказать...

– Какой-то человек, я его не знаю... Без дальних слов, намерены вы или нет ждать солдат? Если нет, то не теряйте времени; в противном случае, покойной ночи, извините, что зря потревожил вас.

– Уж этот мне проводник! Он сразу не понравился мне... но... его песенка спета!.. Прощайте, сеньор. И да воздаст вам господь бог за услугу, которую вы мне оказали. Я не так уж плох, как вы можете подумать... Да, во мне еще есть кое-что хорошее, и я заслуживаю сострадания порядочного человека... Прощайте, сеньор... Об одном жалею, что ничем не могу отблагодарить вас.

– В благодарность за мою услугу обещайте, дон Хосе, никого не подозревать и не думать о мести. Нате, вот вам несколько сигар на дорогу. Счастливого пути!

Я протянул ему руку. Он молча пожал ее, схватил мушкетон, переметную суму и, сказав несколько слов старухе на непонятном мне наречии, бегом бросился в конюшню. Несколько секунд спустя я услышал удаляющийся галоп его коня.

Я снова лег на скамью, но уснуть мне так и не удалось. Я мучительно думал о том, правильно ли я поступил, избавив от виселицы вора, а может быть, и убийцу только потому, что мы ели вместе с ним ветчину и рис по-валенсийски. Не предал ли я своего проводника, стоявшего на стороне закона? Не подверг ли я его мести негодяя? Ну, а долг гостеприимства?.. Первобытный предрассудок, и только, – размышлял я. К тому же отныне мне придется нести ответственность за все будущие преступления этого разбойника... Но разве можно назвать предрассудком некий внутренний голос, не подвластный доводам разума? По всей вероятности, угрызения совести неизбежны в том щекотливом положении, в котором я очутился. Я все еще пребывал в полнейшей нерешительности касательно нравственности своего поступка, как вдруг увидел человек пять всадников вместе с моим проводником, который благоразумно держался в арьергарде. Выйдя им навстречу, я сказал, что разбойник спасся бегством более двух часов назад. На вопросы бригадира старуха ответила, что она знает Наварро, но живет здесь одна и ни за что не донесла бы на него из страха за свою жизнь. Она добавила, что, бывая у нее, он всегда уезжает ночью. Мне же пришлось отправиться за несколько лье от венты, чтобы предъявить паспорт и дать показания алькайду, после чего я получил разрешение продолжать свои археологические изыскания. Антоньо злился на меня, подозревая, что я помешал ему заработать двести дукатов. Однако в Кордове мы расстались по-приятельски, ибо я расплатился с ним так щедро, как только позволяло состояние моего кошелька.

.

Я провел в Кордове несколько дней. Мне было известно, что в библиотеке доминиканцев имеется некая рукопись, в которой можно найти интересные сведения о Древней Мунде. Прекрасно принятый гостеприимными монахами, я проводил весь день в монастыре, а вечером гулял по городу. Перед заходом солнца на набережной, идущей по правому берегу Гуадалкивира, бывает немало праздного люда. Правда, прохожие вдыхают там запах кожевенного завода, доньне поддерживающего былую славу города по части выделки кож, зато их ожидает зрелище, не лишенное приятности. За несколько минут до вечерней молитвы множество женщин собирается на берегу реки, под высокой набережной. Ни один мужчина не смеет присоединиться к ним. Как только зазвонит соборный колокол, призывающий к вечерней молитве, принято считать, что наступила ночь. С последним его ударом все эти женщины раздеваются и входят в воду. И тут поднимаются крики, визг, смех. Мужчины смотрят вниз, тарашат глаза, но мало что видят. Однако смутные очертания нагих купальщиц на фоне темно-синей реки настраивают умы на поэтический лад, и мужчины, наделенные воображением, могут представить себе, не опасаясь участи Актеона, купание Дианы и ее нимф. Мне говорили, что однажды несколько сорванцов подкупили соборного звонаря, и он позвонил к вечерней молитве на двадцать минут раньше обычного. И хотя еще было светло, гуадалкивирские нимфы ни минуты не колебались: поверив колоколу больше, нежели солнцу, они со спокойной душой произвели свое обычное и весьма незатейливое омовение. Меня при этом не было. В мое время звонарь был неподкупен, а сумерки так густы, что разве только кошка отличила бы самую старую торговку апельсинами от самой хорошенькой кордовской гризетки.

Однажды вечером, в час, когда уже ничего не было видно, я курил, облокотясь на парапет набережной; какая-то женщина поднялась по лестнице, ведущей к реке, и села рядом со мной. В волосах у нее был большой пучок жасмина, цветы которого изливают вечером пьянящий аромат. Она была просто и даже, быть может, бедно одета во все черное, как большинство гризеток в этот поздний час. Порядочные женщины носят черное лишь утром, а вечером одеваются а *la francesa*[4 - На французский лад (исп.)]. Подойдя ко мне, купальщица сбросила на плечи мантилью, покрывавшую ее головку, «и в свете сумрачном, струящемся от звезд», я увидел, что она невысока, молода, хорошо сложена и что у нее огромные глаза. Я тотчас же бросил сигару. Она оценила этот чисто французский знак внимания и поспешила сказать, что очень любит запах табака и даже сама курит, когда ей попадаются некрепкие душистые *papelitos*[5 -

Сигареты (исп.).]. По счастью, в моем портсигаре нашлись именно такие сигареты, и я с готовностью угостил ее. Она соблаговолила взять одну из них и зажгла ее о кончик тлеющей веревки, которую за медную монетку принес нам какой-то мальчик. Пуская одновременно струйки дыма, мы так заговорились с прекрасной купальщицей, что остались на набережной почти одни. Я решил, что не поступлю нескромно, пригласив ее отведать мороженого в neveria[6 - Неверия - кафе, где имеется ледник или, точнее, погреб со снегом. В каждой испанской деревне есть такое кафе. (Прим. авт.)]. Поколебавшись немного приличия ради, она согласилась, но сначала справилась о времени. Я поставил свои часы на бой, и звон их, видимо, очень удивил ее.

- Каких только изобретений нет у вас! Я хочу сказать, у вас, иностранцев. А вы из какой страны, сеньор? Должно быть, англичанин[7 - В Испании любого путешественника, не имеющего при себе образцов коленкора или шелка, считают англичанином. То же наблюдается и на Востоке. В Халкиде мне оказали честь, представив меня как милордос франсесос. (Прим. авт.)].

- Я француз и ваш покорнейший слуга. А вы, сеньорита или сеньора, вы, верно, уроженка Кордовы?

- Нет.

- Во всяком случае, вы андалуска. Это чувствуется по вашему мягкому выговору.

- Если вы так хорошо разбираетесь в произношении, то должны угадать, кто я.

- Полагаю, вы из страны Иисуса, что в двух шагах от рая.

(Эту метафору, под которой подразумевается Андалусия, я слышал от известного матадора и моего друга Франсиско Севильи.)

- Вот как?.. А здесь говорят, будто рай этот не про нас.

- Так, значит, вы мавританка, или... - я запнулся, не смея сказать: еврейка.

- Да полноте! Вы же видите, что я цыганка. Хотите я скажу вам la baji[8 - Сказать la baji - погадать. (Прим. авт.)]? Слыхали о Карменсите? Это я.

В ту пору, а именно пятнадцать лет назад, я был таким нечестивцем, что не отшатнулся в ужасе, увидев рядом с собой колдунью. «Ну что ж, – подумал я, – на прошлой неделе я ужинал с отъявленным разбойником, а сегодня отведаю мороженого с приспешницей дьявола. Когда путешествуешь, надо все испытать». Был у меня и другой повод для продолжения этого знакомства. К стыду своему, должен признаться, что по окончании коллежа я потерял немало времени на изучение оккультных наук и даже не раз пытался заклинать духа тьмы. Давно исцелившись от своей страсти к подобным занятиям, я еще не вполне утратил былого любопытства к суевериям и от души радовался, что мне предстоит узнать, на какую высоту поднялось ныне искусство ворожбы у цыган.

Беседуя, мы вошли с ней в неверию и сели за столик, освещенный свечой под стеклянным колпаком. Теперь я вполне мог разглядеть свою хитану, что я и сделал, в то время как несколько добропорядочных завсегдатаев ели мороженое и дивились, видя меня в столь своеобразном обществе.

Я сильно сомневаюсь, чтобы сеньорита Кармен была чистокровной цыганкой, во всяком случае, она показалась мне несравненно красивее тех ее соплеменниц, которых я когда-либо встречал. Чтобы женщина была красива, говорят испанцы, внешность ее должна соответствовать тридцати «если», иначе говоря, десяти прилагательным, каждое из которых применимо к трем частям ее лица или тела. Так, например, черными у нее будут глаза, ресницы и брови, тонкими – пальцы, губы и волосы и т. п. Об остальном можете справиться у Брантома. Моя цыганка не могла претендовать на такое совершенство. Кожа ее, впрочем, безупречно гладкая, цветом напоминала медь. Глаза были раскосые, но восхитительной формы, губы мясистые, но красиво очерченные, а зубы – белее очищенного миндаля. Волосы ее, на вид жестковатые, были длинные, блестящие, иссиня-черные, как вороново крыло. Не желая утомлять вас чересчур подробными описаниями, скажу только, что каждому ее недостатку соответствовало какое-нибудь достоинство, особенно бросающееся в глаза в силу этого контраста. То была странная, дикая красота, лицо, поначалу удивлявшее, которое, однако, невозможно было забыть. Особенно поражал ее взгляд, одновременно чувственный и дикий, такого взгляда я не видел больше ни у одного человеческого существа. «Цыганский взгляд – волчий взгляд», – утверждают цыгане, и поговорка эта говорит об их тонкой наблюдательности. Если вам некогда сходить в зоологический сад и понаблюдать за взглядом волка, посмотрите на свою кошку, когда она подстерегает воробья.

Было бы, конечно, нелепо заняться гаданием в кафе. А потому я попросил у хорошенькой колдуньи разрешения проводить ее домой; она охотно согласилась, но еще раз справилась о времени, прося меня поставить часы на бой.

– Они и в самом деле золотые? – спросила она, с необычайным вниманием разглядывая часы.

Когда мы двинулись в путь, стояла темная ночь; большинство лавок было закрыто, и улицы почти совсем опустели. Мы прошли по Гуадалкивирскому мосту и на окраине предместья остановились у дома, отнюдь не похожего на дворец. Дверь нам открыл какой-то мальчик. Цыганка сказала ему несколько слов на неизвестном мне языке; как я узнал впоследствии, это было роммани или чипе кальи, одно из наречий испанских цыган. Мальчик тотчас же исчез, оставив нас в довольно просторной комнате, вся обстановка которой состояла из маленького столика, двух табуретов и сундука. Следует также упомянуть кувшин с водой, груды апельсинов и связку лука.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/prosper-merime/karmen/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Всякая женщина – зло; но дважды бывает хорошей: или на ложе любви, или на смертном одре.

Паллад

2

Андалусцы произносят «s» с придыханием, как нечто среднее между мягким «с» и «z», тогда как испанцы выговаривают его на манер английского th. Так, по одному слову *senor* легко узнать андалусца. (Прим. авт.)

3

Привилегированные провинции – это провинции, пользующиеся особыми правами, а именно: Алава, Бискайя, Гипуская и часть Наварры. Язык там баскский. (Прим. авт.)

4

На французский лад (исп.).

5

Сигареты (исп.).

6

Неверия – кафе, где имеется ледник или, точнее, погреб со снегом. В каждой испанской деревне есть такое кафе. (Прим. авт.)

7

В Испании любого путешественника, не имеющего при себе образцов коленкора или шелка, считают англичанином. То же наблюдается и на Востоке. В Халкиде мне оказали честь, представив меня как милордос франсесос. (Прим. авт.)

8

Сказать la baji – погадать. (Прим. авт.)

Купить: <https://tellnovel.com/ru/prosper-merime/karmen-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)